

Е. А. Мехмадиев

**ВИЗАНТИНИСТ ОБ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКИ:
ГАЛИНА ЕВГЕНЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА И ЕЕ МОНОГРАФИЯ
«CATHEDRA MEDII AEVI: МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ 1930–1950-Х ГОДОВ»**

Со времен американского историка-филолога Хейдена Уайта, выпустившего в 1973 г. эпохальную книгу «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века», современные исследователи, изучающие теорию истории, неизменно признают, что предмет их дисциплины — не философия истории (историософия), т. е. поиски общего смысла исторических процессов, а сами *формы историописания*, точнее — их жанровое и стилистическое разнообразие, связь истории и литературы, а также динамика этих форм во времени¹.

Галина Евгеньевна Лебедева (1935–2021) — один из крупнейших советско-российских византинистов, внесших огромный вклад в изучение ранневизантийского официального законодательства и российской дореволюционной церковной византинистики, долгое время (с 1990 по 2015 г.) возглавлявшая кафедру истории Средних веков Ленинградского/Санкт-Петербургского государственного университета — в силу своих профессиональных интересов тоже

¹ См., например: *Jordan, St. Der Linguistic Turn und seine Folgen für die Geschichtswissenschaft*, in: *Text und Geschichte: Geschichts- und literaturwissenschaftliche Beiträge zum Geflecht von Faktizität und Fiktionalität* / Hrsg. von Chr. Landmesser, R. Zimmermann. Tübingen, 2017. S. 67.

уделяла значительное внимание формам историографического процесса, стремилась показать методы, технику (лабораторию) исследовательской работы того или иного ученого, выявить принципы, положенные в основу его труда. И, что особенно важно, Галина Евгеньевна уделяла внимание таким сюжетам не только при изучении трудов византинистов, но и при изучении истории отечественной медиевистики, точнее — истории становления и развития своей родной кафедры, которой она заведовала без малого 25 лет.

В этой небольшой статье, посвященной памяти Галины Евгеньевны, мы хотели бы рассмотреть несколько глав ее монографии «Cathedra medii aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов», написанной в соавторстве с профессором кафедры, доктором исторических наук, специалистом по истории позднесредневековой Польши Владимиром Александровичем Якубским (1924–2013), и изданной в 2008 г.

Мы выбрали этот аспект научного творчества Галины Евгеньевны, поскольку, во-первых, в названной выше книге Галина Евгеньевна изучила творческую биографию ученых, многих из которых она знала лично и с которыми ее связывала многолетняя совместная работа на кафедре истории Средних веков, а во-вторых, для автора данных строк указанные сюжеты тоже в какой-то мере являются частью его личной биографии: Галина Евгеньевна была нашим научным руководителем и Учителем, более того, уже без малого 10 лет мы и сами преподаем на кафедре истории Средних веков СПбГУ, по мере сил и возможностей продолжая и развивая ее славные традиции.

В данном случае мы посчитали целесообразным обратиться к тем главам книги, где Галина Евгеньевна рассмотрела научную деятельность двух своих старших коллег по кафедре — Осипа Львовича Вайнштейна (1894–1980), видного специалиста по историографии Средних веков, и Александры Дмитриевны Люблинской (1902–1980), одного из выдающихся специалистов по истории Франции эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. На примере двух этих крупных медиевистов советского времени мы хотели бы рассмотреть, как именно Галина Евгеньевна

изучала (и восстанавливала) научную биографию своей кафедры, как отслеживала динамику форм историописания на кафедре в период 1930-х–1950-х гг., чтобы, в свою очередь, показать особенности историографического стиля самой Галины Евгеньевны: каковы были отличительные черты ее исследований по истории отечественной «кафедральной» медиевистики и какие методы она применяла при изучении данного сюжета.

В этой связи сразу же оговоримся: Галина Евгеньевна, что вполне естественно, стремилась проследить все этапы жизни своих именитых коллег, выделить все ключевые и переломные события их научной биографии, тем не менее в силу ограниченности объемов статьи мы сосредоточимся только на двух небольших, но важных сюжетах, которые Галина Евгеньевна подробно проанализировала на страницах своей книги: учебник Осипа Львовича «Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала Средних веков до наших дней» (М.; Л., 1940) и не менее известное, классическое и хрестоматийное учебное пособие Александры Дмитриевны «Источниковедение истории средних веков» (Л., 1955), до сих пор являющееся настольной книгой любого российского медиевиста.

Начнем с хронологически более ранней книги Осипа Львовича. Приступая к разбору этой книги, Галина Евгеньевна отмечает: «Изданная под грифом Института истории АН СССР, книга на своем титульном листе несла информацию о том, что издание «допущено Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебника для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов»... Но это было как раз исследование, в своей основе оригинальное и содержательное»². Вслед за французским исследователем Ф. Карраром мы могли бы назвать подобное внешнее описание книги «институциональным контекстом» историка: Ф. Каррар имеет в виду сведения о жанре книги и статусе ее автора, об издательстве и серии, в рамках которой она вышла, — все эти сведения, как правило, содержатся на титульной странице книги³.

² Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. *Cathedra medii aevi*: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб., 2008. С. 36.

³ Carrard, Ph. *Historiographic Discourse and Narratology: A Footnote to*

В этой связи отметим, что, на наш взгляд, Галина Евгеньевна неслучайно обратила первоначальное внимание именно на внешний статус книги: фактически в данной характеристике Галина Евгеньевна показывает важную особенность книги, когда по содержанию она представляет собой монографию, т. е. полноценное научное исследование, а по заглавию на титульной странице — всего лишь учебник. Другими словами, Галина Евгеньевна подчеркивает не просто оригинальность, а даже (в какой-то мере) уникальность книги Осипа Львовича: формально работая над учебником по историографии, который, на первый взгляд, должен был содержать информацию обзорного и общего характера (имена историков, их взгляды на тот или иной вопрос, споры историков), в реальности Осип Львович глубоко и всесторонне изучил смену самих форм исторической мысли, впервые в русскоязычной литературе представил развитие историографии Средних веков как стадийный процесс⁴.

В этом смысле, вслед за Галиной Евгеньевной, мы можем утверждать, что сам замысел Осипа Львовича являлся уникальным: в самом деле, стремясь проследить смену форм исторического мышления, выявить и раскрыть причины этих изменений (конечно же, с учетом идеологических ограничений того времени, когда была написана книга), Осип Львович вышел далеко за рамки того «институционального контекста», о котором говорит Ф. Каррар. Согласно Ф. Каррару, «институциональный контекст» устанавливает границы взаимоотношений читателя и текста, он фактически предписывает читателю, как правильно воспринимать текст и замысел его автора⁵. Тем не менее, как пронизательно показала Галина Евгеньевна, в случае с Осипом Львовичем все обстоит намного сложнее: заглавие на титуле книги не соответствует ее содержанию, поскольку сам Осип Львович не планировал достигать такого соответствия; он совершенно иначе видел замысел своей работы, ставил перед собой совсем другую цель. Как резуль-

Fludernik's Work on Factual Narrative, in: *How to do Things with Narrative: cognitive and diachronic Perspectives* / ed. by J. Alber, G. Olson. Berlin; Boston, 2018. P. 129.

⁴ Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. *Cathedra medii aevi*. С. 37.

⁵ Carrard, Ph. *Historiographic Discourse and Narratology*. P. 129.

тат, титул книги ничего не диктует читателю, пример книги Осипа Львовича хорошо показывает, что «институциональный контекст» высказывания историка не всегда зависит от его собственного авторского замысла, от того смысла, который он сам вкладывает в свою работу.

Вместе с тем Галина Евгеньевна внимательно и подробно изучила общий политико-идеологический контекст появления книги Осипа Львовича и ее последующего использования в образовательном процессе: как справедливо отмечает Галина Евгеньевна, «катастрофически не хватало учебной литературы для высшей школы. Понимая это и получив соответствующее предписание из Москвы, Государственная академия истории материальной культуры в сотрудничестве с кафедрой уже с лета 1934 г. развернула работу над учебником по истории средних веков...»⁶. Среди учебников, написанных по поручению партийных структур, был и учебник Осипа Львовича по историографии Средних веков, тем не менее, как подчеркнула Галина Евгеньевна, дальнейшая судьба этого учебника «сложится не слишком счастливо». «Поначалу встреченный похвалами рецензентов, — продолжает Галина Евгеньевна, — он (учебник. — Е. М.), как и его автор, в послевоенные годы будут обвинены в низкопоклонстве перед Западом и прочих смертных грехах. Потом книгу, которая, естественно, несла на себе печать своего времени... заслонили собой свежие публикации»⁷.

И в этом смысле мы можем признать, что монография Галины Евгеньевны, посвященная истории кафедры, построена не по биографическому, а по структурно-тематическому принципу: фактически Галина Евгеньевна рассматривает интеллектуальную историю кафедры на основе трудов (публикаций) сотрудников кафедры, другими словами, показывает, если можно так сказать, «жизненные перипетии» книг, написанных сотрудниками кафедры. В самом деле, Галина Евгеньевна раскрывает идеологическую атмосферу, царившую в обществе во время написания книги, и последующую судьбу книги в пространстве советской высшей школы или академической науки. Совсем недавно современная немецкая иссле-

⁶ Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. *Cathedra medii aevi*. С. 31.

⁷ Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. *Cathedra medii aevi*. С. 36.

довательница Т. Фюрер отметила, что в последние десятилетия в исторической науке вновь усиливается значение биографического жанра: активно увеличивается количество биографических исследований, применяющих методы микроистории, где жизнь больших коллективов людей, городов и даже стран показана сквозь призму действий одного отдельного человека. Т. Фюрер условно назвала такой подход био-историографией⁸, тем не менее, анализируя монографию Галины Евгеньевны, можно признать, что перед нами — не биоисториография, т. е. не изучение жизненной судьбы отдельных преподавателей кафедры (хотя такие сюжеты, конечно же, присутствуют в книге), а изучение научной деятельности кафедры как структуры, кафедры как института системы высшего образования.

По сути, перед нами — биография не столько людей, сколько написанных ими книг, и в состав такой биографии входит не только описание самой книги, ее содержания, но и анализ обстоятельств ее создания, мнения других ученых о книге, когда она только вышла в печать (рецензии, материалы обсуждений в редколлегиях издательств и журналов), более того — предварительные (первоначальные) версии книги и последующие правки, внесенные ее автором, и наконец, весьма деликатный сюжет — оценки, данные книге уже через много лет после ее публикации, позволяющие выявить, как менялось отношение к тому или иному научному труду с течением времени⁹.

⁸ *Fuhrer, Th. Bio-Historiographie. Zur Funktion biographischer Modellierungen in römischer Geschichtsschreibung und Hagiographie*, in: *Narratologie und Intertextualität: Zugänge zu spätantiken Text-Welten* / Hrsg. von Chr. Brunhorn. Tübingen, 2020. S. 23–24.

⁹ В целом, если следовать терминологии, предложенной У. Раульффом, можно сказать, что Галина Евгеньевна скрупулезно и обстоятельно восстанавливает «легенду» книги, т. е. историю мнений и оценок, данных книге, взглядов, высказанных в научном сообществе. Сам У. Раульфф применяет термин «легенда» в отношении того или иного исторического персонажа, о котором различные источники оставили противоречивые сведения: историк конструирует биографию исторического деятеля, сравнивая и сопоставляя сведения источников, но фактически он так или иначе изучает совокупность взглядов на человека, а не его реальную жизнь как таковую, протекавшую в историческом прошлом. В таком случае можно признать, что исследовательский метод, выбранный Галиной Евгеньевной, как раз наоборот, позволил ей сравнивать «реальную

В полной мере Галина Евгеньевна применила этот метод и к учебному пособию Александры Дмитриевны Люблинской — в этом вопросе Галину Евгеньевну интересует не столько содержание книги, сколько история ее создания, процесс обсуждения предварительных версий книги в советском научном сообществе первой половины 1950-х гг. Как подробно показывает Галина Евгеньевна, из-за требований и сроков, поставленных Министерством высшего образования СССР, автору (т. е. Александре Дмитриевне. — Е. М.) пришлось пожертвовать рядом запланированных ранее разделов, в результате, по оценке Галины Евгеньевны, в книге практически не осталось тем, раскрывающих, как те или иные источники «входили в научный оборот, как протекали их изучение и публикация, как, наконец, в этом процессе учеными совершенствовались, оттачивались приемы внешней и внутренней критики источника»¹⁰.

Как отмечает Галина Евгеньевна, в данном учебном пособии «Читатель находит главным образом информацию об источниковом массиве разных периодов Средневековья... О мастерстве исследователей, чьими трудами эта информация была получена, книга говорит чрезвычайно сжато»¹¹. Тем не менее, по словам Галины Евгеньевны, подчиняясь требованиям Министерства, Александра Дмитриевна все же несколько иначе расставила акценты. Главная цель учебного пособия, по ее словам, заключается «... в выяснении закономерности появления и развития тех или иных видов исторических источников в тесной связи с общим ходом развития стран Европы в эпоху феодализма, а также в определении, что именно дает тот или иной источник историку-исследователю»¹².

жизнь» той или иной книги, т. е. итоговый вариант, вышедший в печать, с проектами данной книги, т. е. ее первоначальными версиями, а также с мнениями о книге, высказанными другими исследователями. Тем самым Галина Евгеньевна детально рассматривает не только эволюцию замысла автора книги, но и вклад самой книги в развитие исторического знания. См.: *Raulff, U. Das Leben — buchstäblich. Über neuere Biographik und Geschichtswissenschaft*, in: *Grundlagen der Biographik. Theorie und Praxis des biographischen Schreibens* / Hrsg. Chr. Klein. Stuttgart, 2002. S. 62–65.

¹⁰ Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. *Cathedra medii aevi*. С. 97–98.

¹¹ Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. *Cathedra medii aevi*. С. 98.

¹² Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. *Cathedra medii aevi*. С. 98.

В исторических и литературоведческих исследованиях, посвященных развитию автобиографического жанра в различные эпохи, достаточно часто (и вполне закономерно) ставится вопрос о литературных влияниях и заимствованиях: в какой мере те или иные литературные произведения повлияли на автора, когда он рассказывал о своей собственной жизни¹³. Тем не менее, оставляя в стороне специфику автобиографического жанра, подчеркнем, что сам по себе подобный вопрос вызван интересом исследователя к итоговой версии текста, с которой он работает; в случае же с историографическими разысканиями Галины Евгеньевны мы можем констатировать, что преимущественно ее интерес, наоборот, вызывали первоначальные (предварительные, подготовительные) версии того текста, который она рассматривала, сличение и сопоставление этих версий с их финальным вариантом, достигшим печатного станка. Другими словами, Галина Евгеньевна глубоко задумывалась над тем, какой книга *могла бы быть* и какой она в итоге *стала*, какие причины заставили автора книги изменить свой первоначальный замысел, и — наверное, самое главное — какие *перспективы* развития отечественная историческая наука приобрела бы в том случае, если бы автору удалось осуществить свой первоначальный замысел.

Завершая обзор исследовательских методов, к которым Галина Евгеньевна обратилась в своей книге, подчеркнем, что сама специфика темы, рассмотренной в книге, позволила Галине Евгеньевне восстановить, если можно так сказать, научную биографию книг, изданных сотрудниками кафедры. При этом, что особенно важно, Галина Евгеньевна неизменно стремилась показать, как преподаватели, работавшие на кафедре в тяжелый и сложный, неоднозначный период 1930–1950-х гг., сумели сохранить исследовательские

¹³ См., например: *Palmer, N. F. Der Autor und seine Geliebte. Literarische Fiktion und Autobiographie im 'Ackermann aus Böhmen' des Johannes von Tepl*, in: *Autor und Autorschaft im Mittelalter. Kolloquium Meißen 1995* / Hrsg. von E. Andersen, J. Haustein, A. Simon, P. Strohschneider. Tübingen, 1998. S. 301–304, 311, 317, 320; *Nünning, V. Erzählen und Identität: Die Bedeutung des Erzählens im Schnittfeld zwischen kulturwissenschaftlicher Narratologie und Psychologie*, in: *Was ist der Mensch, was Geschichte? Anna-herungen an eine kulturwissenschaftliche Anthropologie* / Hrsg. von Fr. Jaeger, J. Straub. Bielefeld, 2015. S. 150–152.

традиции, заложенные в университете еще в дореволюционный период, на кафедре всеобщей истории. Изучая научное творчество своих старших коллег, трудившихся на кафедре Средних веков в 1930–1950-е гг., Галина Евгеньевна последовательно придерживалась принципа — установить и проследить пути преемственности между дореволюционной и советской университетской медиевистикой, показать те направления исследования, которые были основаны еще в дореволюционный период и которым преподаватели кафедры продолжали уделять внимание, несмотря на идеологические требования советского времени. Такая постановка вопроса, конечно же, предполагала и тщательный разбор тяжелых, порой даже драматичных жизненных обстоятельств, с которыми столкнулись сотрудники кафедры того времени — каких усилий им стоил интерес к историко-культурным и историко-текстологическим исследовательским сюжетам, через что им пришлось пройти во имя этого интереса. И в такой постановке вопроса мы видим уже не историографический, а историософский смысл монографии Галины Евгеньевны.

Информация о статье

Мехамадиев, Е. А. Византист об истории отечественной медиевистики: Галина Евгеньевна Лебедева и ее монография «Cathedra medii aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов», В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2022. Вып. 6 (2). С. 8–19.

Мехамадиев Евгений Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034, ул. Университетская набережная, д. 7/9)

e.mehamadiev@spbu.ru

УДК 930

Данная статья посвящена важному и значительному направлению исследовательской деятельности Галины Евгеньевны Лебедевой (1935–2021) — одного из крупнейших советско-российских византистов, более 40 лет (с середины 1960-х гг. по 2021 г.) преподававшей на кафедре истории Средних веков Ленинградского/Санкт-Петербургского государственного университета, и в течение 25 лет (с 1990 по 2015 г.) заведовавшей данной кафедрой. Автор статьи рассматривает монографию Галины Евгеньевны «Cathedra medii

aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов», изданную в соавторстве с ее коллегой по кафедре, известным ученым-полонистом Владимиром Александровичем Якубским, в 2008 г. На примере нескольких сюжетов этой книги автор стремится определить исследовательские методы Галины Евгеньевны как историографа, показать особенности стиля ее аргументации и рассуждений. Главная цель автора — раскрыть, как Галина Евгеньевна изучала историю своей родной кафедры, где она проработала большую часть жизни, как восстанавливала не только научную биографию своих старших коллег по кафедре, но и, если можно так сказать, научную биографию книг, написанных преподавателями кафедры в период 1930–1950-х гг. Важно отметить, что для Галины Евгеньевны тема монографии сама по себе была частью ее личной биографии, поэтому, изучая историю ленинградской кафедральной университетской медиевистики 1930–1950-х гг., она в какой-то мере косвенным образом рассказывала и о своей научной жизни, осмысляла свой собственный путь в науке. Вне всяких сомнений, Галина Евгеньевна рассматривала свою книгу о кафедральной медиевистике как дань памяти учителям, повлиявшим на ее становление как ученого и педагога.

Ключевые слова: Галина Евгеньевна Лебедева, Ленинградский государственный университет, кафедра истории Средних веков, историография, биография, идеология, советская медиевистика

Information on the article

Mekhamadiev, E. A. The Byzantine Scholar on a History of Russian Medieval Studies: Galina Evgenievna Lebedeva and her Monograph «Cathedra medii aevi: Materials on a History of Leningrad Medieval Studies in the 1930s –1950s», in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2022. Vol. 6 (2). P. 8–19.

Mekhamadiev Evgeniy Aleksandrovich, Doctor of History, Assistant Professor of the Medieval History Department at Saint-Petersburg State University (Universitetskaya emb., 7/9, 199034, St. Petersburg, Russia).

e.mekhamadiev@spbu.ru

The present paper deals with an important and essential subject of scholarly activities of Galina Evgenievna Lebedeva (1935–2021) — one of the most outstanding Soviet-Russian Byzantine scholars, who taught at the Medieval History Department at Saint-Petersburg State University over 40 years, from the mid-1960s to 2021, and who headed this Department during 25 years, from 1990 to 2015. The author of the paper takes into account Galina Evgenievna's monograph called «Cathedra medii aevi: Materials on a History of Leningrad Medieval Studies in the 1930s–1950s», which had been published in co-authorship with her colleague by the Depart-

ment, that is a famous historian of Late Medieval Poland Vladimir Aleksandrovich Yakubskiy, in 2008. Having based on some points from this book, the author wants to trace the scholarly tools of Galina Evgenievna as a historiographer, to show also the peculiarities of her style's argumentation and considerations. The main aim of the author is to clear up how Galina Evgenievna studied a history of her native Department, where she taught most of her life, how she reconstructed not only a scholarly biography of her senior Department's colleagues, but also, if it's possible to say, a scholarly biography of the books written by Department's teachers during the 1930s–1950s. It is important to note that Galina Evgenievna accepted a subject of the monograph as a part of her personal biography, and, as a result, while searching in history of Leningrad academic university Medieval studies in the course of the 1930s–1950s, she in some way indirectly narrated her own academic life, thought about her own way in science. So, with no doubts, Galina Evgenievna comprehended her book as a tribute to the memory of University academic tutors, who influenced greatly on her growth as a scientist and a teacher.

Keywords: Galina Evgenievna Lebedeva, Leningrad State University, Medieval History Department, historiography, biography, ideology, the Soviet Medieval studies

Список литературы и источников / References

Carrard, Ph. Historiographic Discourse and Narratology: A Footnote to Fludernik's Work on Factual Narrative, in: *How to do Things with Narrative: cognitive and diachronic Perspectives* / ed. by J. Alber, G. Olson. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. P. 125–140.

Fuhrer, Th. Bio-Historiographie. Zur Funktion biographischer Modellierungen in römischer Geschichtsschreibung und Hagiographie, in: *Narratologie und Intertextualität: Zugänge zu spätantiken Text-Welten* / Hrsg. von Chr. Brunhorn. Tübingen: Mohr Siebeck, 2020. S. 23–41.

Jordan, St. Der Linguistic Turn und seine Folgen für die Geschichtswissenschaft, in: *Text und Geschichte: Geschichts- und literaturwissenschaftliche Beiträge zum Geflecht von Faktizität und Fiktionalität* / Hrsg. von Chr. Landmesser, R. Zimmermann. Tübingen: Evangelische Verlagsanstalt, 2017. S. 55–71.

Nünning, V. Erzählen und Identität: Die Bedeutung des Erzählens im Schnittfeld zwischen kulturwissenschaftlicher Narratologie und Psychologie, in: *Was ist der Mensch, was Geschichte? Anna-herungen an eine kulturwissenschaftliche Anthropologie* / Hrsg. von Fr. Jaeger, J. Straub. Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. S. 145–169.

Palmer, N. F. Der Autor und seine Geliebte. Literarische Fiktion und Autobiographie im 'Ackermann aus Böhmen' des Johannes von Tepl, in: *Autor und Autorschaft im Mittelalter. Kolloquium Meißen 1995* / Hrsg. von E. Andersen, J. Haustein, A. Simon, P. Strohschneider. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1998. S. 299–322.

Raulff, U. Das Leben — buchstäblich. Über neuere Biographik und Geschichtswissenschaft, in: *Grundlagen der Biographik. Theorie und Praxis des biographischen Schreibens* / Hrsg. Chr. Klein. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 2002. S. 55–68.

Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. Cathedra medii aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 125 с. = *Lebedeva, G. E., Yakubskiy, V. A.* Cathedra medii aevi: Materialy k istorii leningradskoy medievistiki 1930–1950-kh godov [Cathedra medii aevi: Materials on a History of Leningrad Medieval Studies in the 1930s–1950s]. Sankt-Peterburg: SPbU Publ., 2008. 125 p. (in Russian)